

*Капкан, который они построили вместе.
Головоломка, которую ты соберешь сам.*

ЧИСТИЛИЩЕ

Эль Финист

18+

Эль Финист
Чистилище

«Автор»

2026

Финист Э.

Чистилище / Э. Финист — «Автор», 2026

В провинциальном городке на берегу заброшенного озера находят тело рыжеволосой красавицы Мии Рокетт. На теле - следы жестокой борьбы: синяки на запястьях, разорванное платье, удар на виске и затянутый на шее серебряный кулон. За дело берётся следователь Эд - одиночка, умеющий видеть скрытые трещины в человеческих душах. Проводя каждого подозреваемого через допросы, он поочередно сдирает с них маски приличия, обнажая тайные пороки и старые травмы. Но чем глубже он погружается в расследование, тем сильнее рушится классическая картина преступления. «Чистилище» - это не просто цепляющий душу психологический детектив. Это метафорическая притча-очищение о невидимых капканах созависимости, в которых мы держим друг друга, и о том, что иногда самый страшный палач - не человек с ножом, а коллективное равнодушие тех, кого мы считали близкими. Докопается ли Эд до истины? И какую цену придётся заплатить каждому жителю города, чтобы очистить душу от следов Мии Рокетт?

© Финист Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эль Финист Чистилище

Глава

Каждый носит в себе все семь.

Вопрос только в том, кто из них выходит на свет.

ГЛАВА 1

Моё утро всегда начиналось с геометрии.

До того как дежурный Миллер разрезал тишину звонком в пять сорок, я уже сидел на кухне. Рубашка — идеально отглаженная, пуговица к пуговице, накрахмаленный воротничок жестко врезается в кожу. Моя личная броня от хаоса внешнего мира. На столе — чашка кофе с черной, как деготь, поверхностью, и две белые таблетки аспирина, лежащие строго параллельно краю салфетки. Белые диски на сером льне. В нашем деле, если ты не упорядочишь пространство вокруг себя первым, оно сожрет тебя изнутри. Я ненавидел хаос. Ненавидел, когда вещи лежат не на своих местах. Когда жизнь не подчиняется простым, ясным правилам — это сводило с ума.

Когда телефон завыл, рука дернулась, нарушив безупречную линию. Несколько капель кофе выплеснулись на салфетку, мгновенно впитываясь и оставляя грязное, уродливое пятно. Оно расплзлось, словно живое, захватывая всё новые сантиметры белоснежного полотна. Морок зловеще пробился сквозь заграждения.

– У нас труп, — прохрипел Миллер.

А я смотрел на это бурое пятно и понимал: этот день уже не отстирать.

Какой-то местный фанатик здоровья, совершавший ежедневную утреннюю пробежку вместе со своим лабрадором, наткнулся на него у самой кромки заброшенного лодочного причала на берегу озера.

Вообще, люди, добровольно выходящие на пробежку на рассвете, всегда вызывали у меня глубокий, почти иррациональный страх. Будто это и не люди вовсе, слепленные из обычного уязвимого мяса, хрящей и хрупких костей, а какие-то бездушные биомеханические машины. Они находят в себе силы вставать в глухую серость в любой сезон — вопреки ледяному ветру, упрямо наматывая эти монотонные, противоестественные круги по гравию. Сырость, въедающаяся под кожу, свист воздуха в бронхах, хлюпанье в кроссовках, брызги болотной грязи из-под пяток, треск в суставах, тупая периодическая боль в коленях и невыносимое колющее ощущение в селезенке, когда дыхание уже на исходе... Все эти следы насилия над собственным телом намертво въелись в меня еще со времен криминалистического колледжа. Нам без конца твердили, что чистый аналитический ум — главное оружие следователя, но при этом заставляли сдавать нормативы по бегу, загоняя наши сердца до аритмии. Экзамены давно остались в прошлом, но я так и не привык к этим ощущениям. Любая вынужденная физическая активность до сих пор заставляла меня внутренне сжиматься, чувствуя себя старым, негнушимся, иссохшим деревом, которое вот-вот треснет от малейшего порыва ветра.

Сегодня была не моя смена, но наш старший следователь Карсон слег с той странной, пугающей разновидностью нового гриппа, которая напрочь отключала у людей обоняние и приковывала внезапной лихорадкой к постели на недели. Заразиться в отделе не хотел никто: этот вирус косил людей с поразительной, почти математической скоростью. Стоило заболеть хотя бы одному сотруднику — и на строжайший карантин заперли бы весь участок, парализовав всю работу в округе.

Холодный рассудок и обостренное чутье — это то, что следователь не имеет права оставлять даже на пороге эпидемии. Пусть мы не были тонкими «нюхачами» в закрытой парфюмерной лаборатории, но вся наша невидимая работа держалась именно на предельной концентрации восприятия. Теряя из-за болезни или усталости хотя бы один орган чувств, ты мгновенно теряешь способность собирать разрозненные осколки реальности в целостную картину. Ты слепнешь. А слепой следователь — это просто чиновник, перебирающий бумажный хлам. Тень человека, занятая чужой тенью.

Именно поэтому я решил поехать на место происшествия сам, напрямую, не дожидаясь сбора всей группы в отделе. Остальные оперативники должны были подтянуться в течение получаса — если, конечно, они смогут окончательно прийти в себя после очередной бессонной ночи, проведенной за заполнением бесконечных рапортов, коими пестрела вся наша работа. Самая ее ненавистная часть. Бумажный хаос, маскирующийся под порядок.

В это время года наш тихий провинциальный городок буквально задыхался от собственного изобилия, захлебываясь густыми ароматами разнотравья и тяжелым, сладким, почти приторным цветением магнолий. Провинциальная американская идиллия, доведенная до абсурда, до тошноты. Белоснежные заборчики, за которыми скрывались идеально подстриженные газоны — травинка к травинке, словно их стригли маникюрными ножницами. Город спал сытым, безмятежным сном, уверенный в своей святости. Но эта пастораль была декорацией. Фанерным фасадом. Глянцевой обложкой, за которой гниет переплет. За каждым из этих чистеньких окон, за плотно зашторенными кружевными занавесками, вызревал свой собственный катарсис отчаяния. Гнев, копившийся годами под маской вежливой улыбки. Уныние, заглушаемое антидепрессантами. Зависть к новому автомобилю соседа, разъедающая душу как кислота. Наш город не жил — он искусно притворялся живым. Музей восковых фигур, где каждый экспонат боится растаять.

Стояла душная, влажная, парниковая погода — достаточно теплая, чтобы не кутаться в плотные куртки, и при этом обволакивающая легкие липким туманом, мешающим дышать полной грудью. Озеро всегда было спасением для жителей города: вдохнуть прохладу, почувствовать свежесть в любое время дня. Оно манило и привлекало своей красотой, как открытка из туристического буклета. Просто это место умело хранить секреты. До сегодняшнего утра.

Девушка лежала навзничь, неподвижно, уткнувшись лицом в илистую, скользкую поверхность берега. В предрассветных сумерках её силуэт казался размытым, теряющим границы — будто озеро уже начало растворять её в себе. На какую-то безумно долгую секунду она напомнила мне трагическую героиню из старой сказки об утопленнице — замершую под темной водой, застывшую в вечном ожидании спасения от брата или сказочного принца. С той лишь пугающей разницей, что эта озерная «принцесса» была полностью, абсолютно обнажена.

Её нагота не имела ничего общего с эротикой — это была нагота жертвенного животного, выставленного на всеобщее обозрение. То тут, то там по её бледной, почти прозрачной коже синели свежие, налившиеся кровью гематомы, багровели глубокие подтеки и рваные, хаотичные царапины. Выглядело это так, словно какой-то безумный татуировщик иступленно работал над её телом буквально пару часов назад, и воспаленные следы еще не успели покрыться защитной коркой. Краснота вокруг ран пульсировала. Казалось, стоит немного подождать, затаив дыхание, и сквозь эту багровую сеточку на коже проступит великолепный, сакральный рисунок, задуманный inferнальным художником. Огненные перья восстающего феникса. Или чешуйчатые изгибы оживающего дракона.

Мне стоило больших усилий пару раз сильно моргнуть и зажмуриться, чтобы этот наведенный морок окончательно рассеялся, возвращая мой разум в ледящую, трезвую реальность ожившей смерти. Здесь не было ни мифических драконов, ни волшебных перьев. Только давящее, безмолвное торжество распада — и от него по моей спине пробежал отчетливый холодок, словно озеро само выдохнуло мне в затылок.

Девушка с такими пронзительно-рыжими, почти светящимися в предрассветных сумерках волосами не должна была лежать вот так — беззащитно, жалко уткнувшись лицом в озерный ил и мокрый песок. Её безупречная кожа должна светиться белизной в ярком шелковом платье с открытыми плечами. Этой неземной, вызывающей красоте — место в старинных легендах об эльфах и единорогах, выходящих из туманного векового леса, а не на сухих, шероховатых страницах протокола в полицейском журнале. Не здесь, среди запаха тины и смерти.

Озеро в такой час казалось гигантским зеркалом из застывшего серого свинца. Оно не отражало небо — оно впитывало его в себя, переваривало, превращало во что-то тягучее и безнадежное. И в этой звенящей, мертвой тишине я был не один.

Чуть поодаль от оцепления, у самого основания старого деревянного мостика, на корточках сидел местный бездомный. Он выглядел как грязный, нахохлившийся озерный ворон, выброшенный штормом на берег. Его звали Тим, хотя возможно это было и не его настоящее имя — часовик безумия забирает все истинное, оставляя только призраки, предлагая новые образы и легенды. Тим обхватил голову худыми, покрытыми илистой коркой руками и исступленно, монотонно раскачивался взад-вперед, словно маятник. Было очевидно, что он провел у этой черной воды не один час, буквально пропитавшись ночным холодом и сыростью. Сквозь его грязную бороду прорывалось тихое, шипящее бормотание, но когда я сделал шаг ближе, его бред на секунду обрел пугающую, звенящую четкость:

— ...она ушла в прохладу... волшебница звала... платье на досках... а ножка-то голая, голая ножка...

От этих слов по спине пробежал еще один холодок — уже не от озера, а от чего-то глубоко внутри, из тех слоев памяти, которые я предпочитал не тревожить. Помощники косились на Тима с брезгливостью, как на обычного умалишенного, чей пробел в психике обостряется в полнолуние. Но я зафиксировал все детали. Запомнил каждое слово. В этом городе даже безумцы иногда говорят правду.

Отведя от него взгляд, я вернулся к брезенту, рядом с которым копошился наш эксперт. — Когда наступила смерть? — спросил я, не оборачиваясь, у Майкла.

Майкл был бывшим стажером столичного патологоанатома, который сбежал в нашу глушь три месяца назад. В отличие от старых, пропитых цинизмом копов из нашего отдела, он пока еще не успел растерять этот чистый, почти научный интерес к новым делам. Не обзавелся тем защитным равнодушием, которое его старшие коллеги обычно тщательно прятали на дне стаканов с дешевым алкоголем или за плотной, удушливой пеленой сигаретного дыма. Майкл всё ещё видел в мертвых людей, а не просто куски остывающего углерода для отчетов. И это одновременно восхищало и пугало меня — как долго он продержится в этом городе, прежде чем и его глаза затянет серая пленка?

— Её зовут Мия Рокетт, — тихо, почти благоговейно ответил он, осторожно приподнимая край брезента. — Без точного вскрытия и замеров могу назвать только приблизительное время, Эд. Она пролежала в воде и на этом иле около пяти-шести часов. Не больше.

Я замер. В горле пересохло, словно я сам наглотался озерной воды. Первые лучи утреннего солнца пробились сквозь туман и ярко, зловеще бликовали на её медных, растрепанных волосах, запутавшихся в озерной тине. Металлическая удавка внутри моего разума затянулась на последний, самый тугой узел.

— Я знаю её, — сказал я, и голос мой прозвучал так, будто принадлежал не мне, а кому-то другому, кто всё это время сидел внутри и ждал своего часа.

* * *

Майкл деликатно отошел на шаг назад, убирая тяжелые резиновые сапоги с кромки причала, чтобы не затаптывать возможные следы. Его молчаливое отстранение дало мне необходимое физическое пространство, но я продолжал стоять неподвижно, боясь сделать лишний вдох. Влажный озерный воздух, еще минуту назад казавшийся целебным и свежим, вдруг стал липким, удушливым и невыносимо тяжелым. Сладкий, приторный запах цветущих прибрежных деревьев смешался с едва уловимым, но уже ни с чем не сравнимым ароматом: горьковато-металлическим душком застоявшейся озерной сырости и близкой смерти.

Мия Рокетт. Наша школьная девочка-солнце, чьи безумные рыжие волосы когда-то казались мне единственным живым, пульсирующим пятном в сером, безликом мареве бесконечных школьных коридоров. Нас обоих в те годы считали чужаками, социальным браком. Но если я прятался от жестокости подростков в тени собственной серости и незаметности, то Мия, напротив, агрессивно защищалась от мира своей ослепительной, вызывающей, почти оскорбительной для провинции красотой. И вот теперь вся эта гордая красота была разбита, растерзана, вывалена в грязи и брошена на съедение озерным ракам.

Я заставил себя опуститься на колени прямо в холодную, чавкающую грязь берега, напрочь позабыв о своей многолетней нелюбви к резким движениям. Мой разум, подстегнутый шоком от узнавания, включился на полную мощность, за секунды превращаясь в бесстрастную линзу фотоаппарата. Эмоции выключились, уступая место холодному сканированию улик. Я смотрел на Мию так, будто видел её впервые — и в последний раз.

— Помоги перевернуть её, Майкл. Только ради бога, осторожно. Зафиксируй голову.

В четыре руки мы аккуратно повернули окоченевшее тело навзничь. Я посмотрел на Мию. Ее лицо, очищенное Майклом от налипшего ила, казалось застывшей мраморной маской. Даже мёртвая, распластанная на слое склизкого ила, она умудрялась выглядеть оскорбительно красивой. Тонкие ключицы, фарфоровая кожа, которая в полумраке светилась призрачным сиянием. Настоящая озерная нимфа, которую кто-то безжалостно лишил её зеленого оперения. Багровые гематомы на её запястьях и шее выглядели как уродливые украшения, подчеркивающие хрупкость. Будто натюрморт, созданный маньяком-эстетом... или кем-то, кто очень хотел, чтобы мы так думали.

Мой взгляд сразу же зацепился.

— Смотри сюда, — тихо, почти шепотом сказал я, указывая пальцем в резиновой перчатке на её шею. — Видишь эти гематомы?

На передней части бледной шеи отчетливо проступали две ровные, темные, багрово-синие полосы, уходившие назад и почти смыкающиеся у затылка. Кожа вокруг них была исступленно исцарапана, словно Мия в последние секунды жизни отчаянно пыталась разжать душившие её пальцы или содрать удавку. Я присмотрелся ближе, почти касаясь лицом её ключиц: на груди лежал массивный, тускло поблескивающий кулон в виде серебряного крыла на толстом кожаном шнурке. Шнурок был намертво, неестественно затянут вокруг горла, а само крыло деформировано и погнуто, словно по нему пришелся колоссальный зажим. Природа этой деформации не вязалась с мягкостью человеческих рук — металл гнулся обо что-то плоское и твердое.

— Классическое удушение сзади, — авторитетно кивнул Майкл, делая пометку в планшете. — Нападающий использовал её же украшение как удавку. Петля захлебнулась. Она яростно боролась, Эд. Посмотри на её руки.

Я перевел взгляд на запястья Мии. Вокруг тонких суставов синели глубокие, кольцевые, почти идеальной круглой формы кровоподтеки. Складывалось гнетущее ощущение, что её руки перед смертью связали жестким жгутом или удерживали в грубых тисках, методично ломая всякое сопротивление.

— И это еще не все, — Майкл осторожно приподнял её правую кисть. — Посмотри под ногти. Там забита грязь, щепки и частицы чужой кожи. Она расцарапала лицо или шею убийце. Наш генетический анализ даст прокурору его профиль. Ему уже не отмыться.

Я молчал, впитывая информацию. Мой взгляд скользнул дальше: на левом виске, чуть выше линии роста медных волос, зияла глубокая рваная рана с краями, покрытыми запекшейся кровью — след от сильного, точечного удара тяжелым тупым предметом. От удара такой силы череп должен был если и не треснуть, то выдержать колоссальную нагрузку.

Перед глазами любого неопытного следователя сейчас вырисовывалась жуткая, линейная картина: кто-то знакомый подстерег Мию на мостике, оглушил ударом по голове, сорвал пла-

ть, зафиксировал руки и хладнокровно задушил шнурком от её же кулона, после чего сбросил тело в воду. Очевидный сценарий, от которого за версту веет почерком маньяка или безумного ревнивца.

— Платье, Эд, — Майкл кивнул в сторону старого настила, где аккуратным комом темнела ткань. — Оно не просто сорвано в драке. Пуговицы на груди расстегнуты, все до единой. Ткань повреждена только на спине. Зачем убийце раздевать жертву догола, аккуратно расстегивать платье, а потом бросать его здесь?

— Признаки сексуального насилия есть? — мой голос прозвучал суше, чем мне хотелось бы.

Майкл осторожно посветил фонариком, осматривая внутреннюю поверхность бедер Мии. На чистой коже не было видно разрывов или характерных следов.

— Визуально — чисто, — Майкл нахмурился. — Но это пока ни о чем не говорит. В воде маркеры быстро смываются. Мне нужно забрать мазки. Если это был психопат, мы найдем следы. Но интуиция подсказывает, Эд... Здесь всё слишком стерильно. Будто её раздевали не для осквернения, а для очищения.

— Очищения? — я пристально посмотрел на стажера. — Ты слишком много читаешь оккультных триллеров, Майкл. Избавление от одежды — классический способ избавиться от улики на текстиле. Меньше волокон — меньше зацепок. Убийца умен. Он знал: в воде тело очистится от его микрочастиц.

— Или он хотел, чтобы она ушла туда такой, какой пришла в этот мир, — тихо проборотал Майкл, натягивая брезент обратно на лицо Мии. — Лаборатория покажет, Эд. Химия не врет.

Но внутри меня, в самых глубоких пластах чутья, что-то сопротивлялось обеим гипотезам. Эта стерильная нагота Мии казалась не криминальным следом, а манифестом. Словно кто-то не убивал её — кто-то выставлял напоказ, демонстрировал, снимал последние покровы, чтобы весь мир увидел то, что скрывалось под ними.

Я медленно повернул голову и посмотрел на старый деревянный мостик, нависший над водой в паре метров от нас. В предрассветном полумраке он выглядел как древний алтарь. Озеро вокруг его подгнивших опор густо заросло кувшинками. Из темной глубины зловеще торчали ржавые строительные скобы старых свай — точно обломки клыков доисторического чудовища, застывшего в вечной агонии. Железо изъела коррозия, обнажив острые, похожие на бритву края.

Я перевел взгляд на перекошенные доски подмостков. В узких щелях между ними виднелись свежие, белые щепки. Дерево раскололось совсем недавно, словно эти вековые бревна внезапно испытали колоссальную нагрузку. Словно кто-то или что-то с яростью выламывало эти доски из пазов, пытаясь вырваться наружу — или не давая кому-то уйти.

Затем мой взгляд снова вернулся к погнутому серебряному крылу на груди Мии. Серебро было вдавлено внутрь. Металл словно сохранил в себе отпечаток не человеческих пальцев, а слепой, твердой грани. Мой разум лихорадочно фиксировал эти детали, складывая их в ментальный файл, который пока не поддавался логике. Улики не складывались в привычную картину. В этом узоре было что-то неправильное, что-то, что нарушало все законы, которым меня учили.

— Эд? Ты вообще в порядке? — Майкл заглянул мне в лицо. — Ты побледнел как мертвец. На тебе лица нет.

Я ничего не ответил. Медленно, чувствуя сухой хруст в коленях, я поднялся на ноги. Мои ладони были испачканы в иле; я достал из кармана плаща старый платок и принялся методично, до красноты оттирать кожу. Внутри меня, выжигая остатки школьных воспоминаний, разрасталась холодная решимость. Поэзия умерла. Осталась только анатомия лжи. Земной капкан вокруг Мии Рокетт захлопнулся, и я слышал, как защелкнулся его замок.

— Да, Майкл. Я в порядке, — глухо ответил я, глядя сквозь редяущий туман на дорогу. Там уже пробивались мигающие синевой огни полицейских машин. — Действуй по протоколу. Опечатай причал, мостик и береговую линию на сто метров в обе стороны. И приготовь список всех, с кем она контактировала за последнюю неделю.

Я бросил испачканный платок в пакет для улик и спрятал ладони в карманы. Кожа все еще зудела от присохшей тины, требуя чистоты. Но я знал: смыть этот озерный ил будет гораздо проще, чем ту грязь, в которую мне предстояло погрузиться. Чтобы заглянуть в чужие капканы, нужно было сначала вернуться к истокам своего собственного. К той броне, которую я выковывал годами, — чтобы никто не мог оставить след на мне самом.

Дом-коробка

Сколько я себя помню, я всегда был белой вороной. Не просто странным малым из неблагополучного квартала, а системным сбоем, чужаком, заброшенным в чуждую экосистему. В школе меня откровенно, на животном уровне, сторонились. Местные пацаны, чьи примитивные радары безошибочно определяли скрытую угрозу, считали, что со мной лучше не связываться. Тяжелый, слишком широкий подбородок, вечно угрюмое лицо, словно высеченное из серого камня, и это пугающее, застывшее состояние «сам у себя на уме» — всё это мгновенно отталкивало сверстников.

Мне были глубоко, до тошноты неинтересны их шумные игры, посиделки за гаражами и стадные сходки после уроков. Когда подстрекаемая первыми гормонами толпа шла стенкой на стенку из-за косога взгляда на чужой дискотеке, я просто разворачивался и уходил. В их ограниченных глазах я был высокомерным придурком, который упорно отказывался примыкать хоть к какому-то лагерю, выбирая абсолютное, звенящее одиночество.

За все школьные годы меня всерьез пытались бить от силы раза два. Да и то быстро бросили, сообразив своей стадной интуицией, что много удовольствия от избиения Эда не получить. В моменты чужой агрессии я не кричал, не просил пощады и не пытался махать кулаками. Я умел намертво, на глухие засовы замыкаться внутри собственного сознания — становился похож на старую, брошенную железобетонную коробку, до содержимого которой невозможно достучаться ни пинками, ни тяжелыми армейскими ботинками. Мой взгляд в такие моменты становился пустым и бесстрастным, как объектив выключенной камеры.

Постепенно из мишени для травли я превратился в неодушевленный предмет мебели. Стал для окружающих невидимым персонажем, серым призраком, от которого нельзя добиться ничего: ни вопля боли, ни ответной ругани, ни эмоционального импульса. А ведь именно этим импульсом, этой чужой слабостью они и хотели напитаться — чтобы получить энергию для очередного примитивного рывка, кухонного скандала или ночной вылазки с дешевым пивом на заброшенные поля. Я методично морил их голодом, не давая этой пищи для пересудов.

Пожалуй, только мисс Харли, которая вела у нас высшую математику, иногда посматривала на меня через свои старые очки с молчаливым, глубоким пониманием. Она никогда не хвалила меня перед классом, но периодически подбрасывала на мой стол задачи в три раза сложнее, чем всему потоку, потому что твердо знала — я справлюсь. Мы никогда не вели долгих бесед, но один её спокойный взгляд давал мне понять: с таким умом можно не обращать внимания на мышинные тычки сокурсников и пропускать мимо ушей сальные шуточки, которыми они заплыввали даже учительницу.

— Время всё расставит на свои места, — транслировали её спокойствие и мудрый разрез глаз.

Как в воду глядела. Уже в колледже, а затем и в академии, где я фанатично, до бессонницы увлекся психологией серийных преступников и профайлингом, чужие паттерны стали

складываться для меня в элементы математического ребуса. Пазл к пазлу, цифра к цифре. Я просто сидел в углу аудитории и наблюдал за людьми — и от моего сканирующего взгляда не могло укрыться ничто, как бы тщательно они ни пытались это спрятать.

Я замечал, как молодой лаборант на кафедре резко отводит голову при случайном разговоре, тщетно пытаясь скрыть за мятной жвачкой запах утреннего перегара и свою безответную любовь к замужней аспирантке. Видел старого профессора права, который в пух и прах поругался с женой — ведь этот педант впервые за двадцать лет изменил привычке к безупречному подбору галстука. Цвет полосок спорил с оттенком пиджака. Да еще и этот великий знаток законов неаккуратно порезался под челюстью во время бритья. Обычно ритуал контролировался мягким вниманием супруги, а теперь система дала сбой, и хаос вырвался наружу через каплю крови на воротничке.

Люди казались мне прозрачными часовыми механизмами. Шестеренки скрипели, ломались, а я просто записывал эти звуки. Я был уверен, что это дар. Только много позже я понял, что это было и проклятие тоже: видеть чужую боль так ясно, но не уметь предложить утешение, не уметь просто обнять, не проанализировав предварительно анатомию этого объятия.

Мама всегда была рядом. Бессловесно, незримо, как тихий ангел-хранитель, поддерживая меня на моем одиноком пути. Она никогда не лезла в душу с расспросами, понимая, что не сможет поддержать разговор на те мрачные темы, которые меня увлекали. Мама тоже несла внутри себя тяжелую тайну. Я до сих пор, будучи следователем, не знал, как так получилось, что она — всё ещё пугающе красивая, но уже тронутая увяданием женщины — осталась в абсолютном одиночестве с маленьким ребенком в этом хищном городе.

Вопреки сплетням, она так и непустила в наш дом больше ни одного мужчину. Что-то надломилось, с хрустом лопнуло внутри неё раз и навсегда. Этот сложный, пахнущий ложью мир мужчин она решила больше не разгадывать — закрыла перед ним дверь. Она направила весь свой нерастраченный ресурс на меня. На сына, который остался единственным мужчиной в её тихом, пахнущем сухими травами доме.

И сейчас, глядя на разбитое тело Миш Рокетт, я подумал: её собственный материнский дом, должно быть, был устроен совершенно иначе.

ГЛАВА 2

Машины оперативной группы еще не успели заглушить моторы, а тяжелые колеса трейлера криминалистов только въезжали на гравийную дорожку, как вязкую тишину озерного утра разрезал истошный, вибрирующий крик. Оцепление еще не выставили до конца — желтая сигнальная лента убого провисала между прибрежными ивами, — когда сквозь влажные, цепляющиеся за одежду заросли дикой ежевики к воде буквально прорвались две женские фигуры. В маленьких сонных городках страшные новости всегда опережают радиоволны, просачиваясь сквозь щели закрытых ставней. Словно сами стены дышат слухами.

Я понятия не имел, кто они такие. В утреннем тумане их силуэты казались размытыми темными пятнами — двумя разными видами тьмы. Первой бежала женщина средних лет — растрепанная, потерявшая всякий контроль. Она спотыкалась на скользкой траве, волоча по грязи полы старого, потрепанного летнего пальто, наброшенного прямо поверх засаленного домашнего халата. Крашенные волосы с предательски отросшими темными корнями. Лицо, тронутое морщинами у рта и увядающей кожей, было серым от паники — цвета озерного ила, в котором только что лежала Мия.

За ней, жестко фиксируя за плечи и почти силой направляя вперед, шагала вторая — сильно помоложе. По повадкам, по упрямому развороту головы я угадал родство. Мать и младшая сестра. Эта молодая женщина была полной противоположностью: угловатая, крупная, с тяжелой челюстью и блеклыми, будто выцветшими на солнце волосами. На ней — строгий темный плащ, застегнутый на все пуговицы до самого горла, словно она боялась, что без этой брони из нее что-то вывалится наружу.

— Мия! Господи, Мия, нет! — женщина средних лет рухнула на колени в жирную прибрежную грязь, в паре метров от брезента.

Её крик перерос в надрывную, сухую, лающую истерику. Это был шок — но замешанный на чем-то более горьком. На ядовитом чувстве вины, которое мой взгляд зафиксировал мгновенно. Она выла так, словно пыталась заглушить, перекричать собственную грызущую совесть. В её искаженном лице читался панический страх перед тем, чьи внутренние демоны внезапно материализовались в силуэт под брезентом.

Я перевел взгляд на молодую девушку. Она стояла неподвижно, словно каменное изваяние, игнорируя ползающую у ног мать. Ни слезы, ни вздоха. Её лицо оставалось закрытым, ледяным, непроницаемым. Она продолжала крепко, почти до белых костяшек сжимать плечи матери — но в этой хватке не было ни капли сочувствия. Это была хватка тюремщика, боящегося, что заключенный сболтнет лишнее.

В её блеклых глазах, прикованных к брезенту, читалось нечто пугающее, противоестественное. «Так тебе и надо. Твой триумф окончен» — вот что транслировала её горделивая поза. Она выглядела как обвинитель, удовлетворенный тем, что подсудимый наконец замолчал навсегда.

— Вам обоим нельзя здесь находиться, — я мягко, но непреклонно перегородил дорогу, поднимая старшую женщину за локти. — Место происшествия закрыто. Кто вы?

— Я Нэнси Рокетт, это моя дочь Хлоя, а там... там моя Мия! — женщина вцепилась в лацканы моего плаща. — Это он! Это всё он, я знаю! Курд! Он не давал ей прохода, контролировал каждый шаг, а вчера окончательно сорвался! Он убил её, правда?!

— Мама, замолчи. Перестань позорить нас перед копами, — Хлоя зашипела матери в ухо. — Они расстались. Курд вчера нажрался в баре, его половина города видела. Это могла быть случайность. Озеро глубокое, коряг полно, а Мия в последнее время была не в себе. Психопатка. Вечно искала повод для драмы. Ты сама говорила, что её эгоизм нас всех в могилу сведет. Вот и свела. Себя свела.

В этой фразе звенела чистая, концентрированная зависть к той, кто лежал неподвижно в двух метрах. Зависть, которая не утихает даже перед лицом смерти. Которая, возможно, от этого только обостряется.

Я повернулся к ним обеим, уводя от брезента к патрульной машине.

— Миссис Рокетт, Хлоя, мне нужно знать, что делала Мия в последний день. Она ведь больше года живет отдельно. Зачем она посреди ночи пришла на озеро? Она заходила к вам?

Мать и дочь замерли, обменявшись коротким взглядом. В этой секундной паузе промелькнула целая бездна несказанного — ядовитого, давно запечатанного, но готового прорваться.

— Она была у себя дома, — быстро, блокируя любую попытку матери открыть рот, отчеканила Хлоя. — Мы созванивались насчет ремонта, но она весь день возилась в документах. Сказала, что у неё полно работы. А ночью мы спали. Не слышали, как она ушла к воде. Озеро всегда её успокаивало, вы же знаете.

За годы работы в убойном я насмотрелся на сотни стадий человеческого горя. Оно бывает тихим, иссушающим, бывает диким, крушащим всё вокруг. Но у истинной скорби есть один общий знаменатель: она центрирована на потере. Человек, потерявший близкого, слеп ко всему остальному.

Появление Нэнси и Хлои не вписывалось ни в один протокол траура.

Это был перформанс. Нэнси выла слишком громко, слишком демонстративно — словно её крик предназначался не мертвой дочери, а невидимым зрителям за кулисами. Она не пыталась коснуться Мии, не припала к брезенту. Она ползала рядом, пачкая халат, словно наказывала себя за что-то. Это был не плач по утрате. Это была паника вора, который боится, что его сейчас поймут с поличным.

А Хлоя... Хлоя вообще выбивала меня из колеи. В её позе, в побелевших пальцах на плечах матери читался не шок — а торжество. Будто она дождалась финала пьесы, где её яркой сестре достались все аплодисменты, а ей — лишь объедки со стола. Теперь же, с падением занавеса, объедков не осталось никому. И она стояла над матерью как тюремщик, караулящий, чтобы подследственный не сболтнул лишнего.

На этом берегу пахло не скорбью. Здесь смердело застарелой, гнилой семейной тайной.

— Хорошо, — я пристально посмотрел Хлое в глаза. — И последнее. На Мии не было одежды. На мостике мы нашли платье. Но одной детали не хватает. Второй туфли. На левой ноге ничего нет, правую мы не нашли. Кто-то унёс туфлю.

Сестра Мии на долю секунды побледнела... Её безупречная маска дрогнула — едва заметно, но безвозвратно, как трещина во льду, которая разрастется, сколько ее ни затягивай. Хлоя судорожно сглотнула.

И в этот момент бездомный у мостика вдруг громко, гортанно расхохотался, продолжая исступленно раскачиваться в такт своим мыслям. В его безумном смехе эхом бился ответ, который никто на этом берегу пока не мог расслышать. Омут, из которого Мия так отчаянно пыталась вырваться всю свою сознательную жизнь, оставляя возле черной воды не просто туфлю. А всю себя.

Кривые зеркала

В моем детстве всегда пахло сухой известкой, мамиными сигаретами и дешёвым порошком. Когда мне исполнилось пять, отец растворился в воздухе, оставив лишь косой росчерк на старой фотографии. Он подарил мне рыжину моих волос и белизну кожи.

Мама не проронила ни слезы. Она часами стояла у трюмо, вбивая тональный крем в бледные щеки, и повторяла: «Мужчины уходят всегда. Ты должна вырасти такой, чтобы они ползали у твоих ног, но никогда не имели сил уйти».

Я росла, впитывая эту заповедь. Природа одарила меня неземной красотой — медным водопадом волос, фарфоровой кожей. Мама смотрела на меня с гордостью, которая с каждым годом отдавала ядом. Она видела во мне улучшенную версию себя. Ту, у которой есть шанс вырваться.

Но в этой любви была двойственность. Мама цеплялась за меня мёртвой хваткой — нуждалась, как утопающий в соломинке. И одновременно навешивала ожидания, под которыми трещали кости. Я должна была быть идеальной. Лучшей. Но при этом — оставаться её собственностью. Она душила меня объятиями и обесценивала каждую победу.

Я так и не научилась с этим справляться. Не разобралась, где кончается любовь и начинается тюрьма.

А потом появился отчим. Угрюмый, пропахший бензином. С годовалой дочерью Хлоей. Я была мала, но чувствовала: в этом доме никто никого не любит. Брак из удобства. Ему нужна была крыша. Ей — чтобы соседи не шептались. Когда он умер от рака поджелудочной, мама не плакала. Она сказала: «Ну вот. Опять я одна».

После его смерти она стала ещё более липкой, ещё более удушающей. Потеряла не мужа — фасад. И перенесла всю нерастраченную потребность на меня.

Хлоя росла тенью. Я искренне пыталась её любить — водила на озеро, плела венки. Но она принимала дары с мертвенной холодностью. Её взгляд говорил: «Мне не нужны твои объедки». Она обесценивала всё, к чему я прикасалась.

В нашей семье все играли в любовь, но за закрытыми дверями каждый оберегал свои теньевые зоны. Мама цеплялась за меня. Хлоя строила крепость из молчания. Я физически чувствовала этот капкан.

Когда я купила билет до Чикаго, это была последняя попытка спастись. Снять маску «рыжей принцессы» и узнать — кто я на самом деле.

ГЛАВА 3

В отделе убийного всегда было одинаково: шлейф пережженного дешевого кофе, подсохшего дорожного гудрона от обуви патрульных и застарелый страх. Этот страх не был острым. Он въелся в канцелярские папки, словно серая плесень провинциальных контор — та, что не бросается в глаза, но медленно разъедает бумагу изнутри.

Само помещение было под стать запахам. Стены — выцветшие, когда-то казенно-зеленые, а теперь грязно-болотного оттенка, с разводами там, где годами текли старые трубы. Коридоры узкие, как щели, едва пропускающие двух разминувшихся полицейских. Лампы дневного света моргали через одну, отбрасывая на лица коллег болезненную желтизну.

В центре зала, за низкой перегородкой из мутного стекла, ютился «аквариум» — открытое пространство для оперативной команды. Четыре стола, сдвинутых буквально нос к носу. На них — горы бумаг, остывшие чашки, пепельницы с горками окурков. Мониторы компьютеров стояли так тесно, что локти сидящих соприкасались. Здесь нельзя было чихнуть, чтобы не обрызгать соседа. Нельзя было говорить по телефону, чтобы пол-отдела не слышало каждое слово. «Аквариум» — прозвище прижилось не из-за стекла, а потому, что люди в нём плавали в собственном поту, грязи и вымыслов, как рыбы в переполненном, давно не чищенном аквариуме.

Я сидел за своим столом, запустив пальцы в волосы, и смотрел на три свежих снимка, которые Брэдли только что швырнул перед моим носом. Не с места преступления — те были серыми, мрачными, на них Мия лежала на брезенте, свернутая в неестественной позе. Брэдли принес другие. Фото из её жизни — из телефона, из соцсетей, из тех углов, куда мы ещё не заглядывали. На одном она стояла на крыльце своего коттеджа, смеясь, в том самом изумрудном платье, которое мы нашли на мостике. На другом — крупный план: её лицо, улыбка, ветер в рыжих волосах. На третьем — она сидела на берегу озера, босиком, свесив ноги в воду. Живая. С них на меня смотрела Мия Рокетт. Не мертвая статуя на брезенте — а та, которую я знал. Та, которую не спас.

— Эд, взгляни на это, — Брэдли оперся тяжелыми ладонями о край моего стола. От него разило мятной жвачкой, которой он безуспешно пытался заглушить запах утренней сигареты. — База выдала совпадения по трем соседним штатам за последние два года. Индиана, Огайо, Иллинойс. Везде одна и та же чертовщина.

Я поднял голову. Брэдли зашагал по кабинету, активно жестикулируя, словно уже примерял на себя лавры человека, поймавшего крупную рыбу. Его задор сейчас только раздражал меня. Он видел то, что хотел видеть: красивую версию с маньяком-гастролером, которую можно продать прессе и закрыть с блеском.

— Смотри сам, — Брэдли начал загибать пальцы. — Год назад, пригород Индианаполиса. Студентка, рыжая. Найдена в водохранилище. Из одежды — только белье, платье аккуратно сложено на причале. Обуви нет. Полгода назад — Огайо. Девушка с медными волосами, платье на берегу, тело в воде. Экспертиза тогда списала на несчастный случай — мол, пошла купаться пьяная. Но три случая за два года в радиусе пятисот миль? Слишком кучно, Эд. У нас завелся серийник. Маньяк-эстет, охотится за рыжими и разыгрывает на воде один и тот же ритуал.

Миллер, сидевший за соседним столом и лениво перебиравший рапорты, громко хмыкнул, не отрывая взгляда от монитора:

— Да брось, Брэдли. Какой гастролер в нашем болоте? Мия крутила шашни с половиной города. От Курда, который вчера орал у её дома, до Патрика, её босса. Обычная бытовуха. Любовник погорячился, сбросил в воду, платье бросил — чтобы симитировать суицид.

— Бытовуха не складывает платья по линеечке, Миллер! — огрызнулся Брэдли, ткнув пальцем в снимок. — И бытовуха не увозит с собой одну туфлю на память. На левой ноге Мии

ничего нет. Правую мы не нашли. В Огайо у той девчонки тоже пропала одна кроссовка. Это почерк. Он забирает обувь.

Я молча слушал их перепалку. Внутри медленно, но верно разрасталось глухое раздражение. Моя интуиция молчала. Все эти файлы из соседних штатов, ровные строчки отчетов и теории о серийном убийце казались мне слишком правильными. Слишком удобными для полицейского ума, который отчаянно ищет понятные паттерны там, где их, возможно, нет.

Маньяк — это внешнее зло. Классическое зло из учебников. Его можно выследить, составить карту, объявить в розыск. Но то, что я почувствовал сегодня утром на берегу озера, не имело отношения к бродячему монстру. Там пахло застойной, домашней гнилью. Грехом, который годами вызревал внутри этого тихого городка — за белоснежными заборчиками, за аккуратными фасадами, под масками приветливых улыбок.

И в этом запахе мне уже начали мерещиться лица. Нэнси, с чувством вины, проскальзывающим сквозь ее вой. Хлоя с её ледяной короной. И другие, кого я пока не видел, но уже чувствовал — они стояли за кулисами этого театра, ждали своей очереди выйти на свет.

— Четких данных из базы пока нет, Эд, — тише сказал Брэдли, заметив моё молчание. — Это просто гипотезы. Запросы отправлены, но архивы Индианы будут копать еще дня два. Нам нужно от чего-то отталкиваться. Если это серийник, мы теряем время.

— Мы не теряем время, — я медленно поднялся со стула, поправляя накрахмаленный воротничок рубашки. Тот самый, что удерживал мой внутренний хаос в узде. — Мы начнем с того, что осязаемо. Брэдли, продолжай трясти аналитиков по поводу рыжих девушек. Миллер, пробей алиби бывшего Мии на вчерашний вечер — с десяти до двух.

Я взял со стола чистый блокнот и засунул его в карман плаща. Внутри уже начал формироваться список. Я еще не знал всех имен, но чувствовал их — как затылком чувствуешь взгляд в темноте.

Невидимое притяжение

Я никогда не был для неё вариантом.

В школе она проходила мимо, иногда бросала «Привет, Эдди» — и шла дальше, к своей компании, к своей жизни, к тем, кто умел смеяться громче, чем я. Я стоял у стены, сжимая папку с тетрадами, и смотрел, как её рыжие волосы мелькают среди чужих спин. Она не ждала ответа. Она знала, что я не отвечу.

Но она замечала меня. Этого было достаточно.

В те годы я не понимал, зачем она это делает. Потом, став следователем, понял: Мия интуитивно искала безопасные гавани. Места, где её не нужно было ослеплять. Где можно было просто быть. Я был для нее таким местом. Не другом. Не влюбленным мальчиком, которого она дразнила. Просто — тихим уголком, где никто не требует улыбаться.

Она иногда садилась рядом в библиотеке. Не разговаривала. Просто листала журналы или делала вид, что читает. Я чувствовал запах её духов и замирал. Не от страха. От избытка — слишком много, слишком близко, слишком вероятно, что она услышит, как колотится моё сердце.

Она не слышала. Или делала вид.

Однажды, перед самым выпуском, она нашла меня на лестничной клетке. Я сидел на подоконнике, смотрел во двор. Она подошла, встала напротив, оперлась плечом о косяк. Молчала. Потом сказала:

— Ты единственный, кто никогда ничего от меня не хотел, Эдди. Даже не пытался. Знаешь, это... странно. И приятно.

Я не нашёл, что ответить. Она улыбнулась — грустно, краешком губ — и ушла. А я остался сидеть, глядя на подоконник, куда она опиралась ладонью. Там остался смутный отпечаток. Я не стёр его до самого выпускного.

Мы видели друг друга и позже, много раз. В городе размером с тарелку сложно не пересекаться. Но каждый раз это было как танцы на минном поле: слишком долгий взгляд через улицу, слишком быстрый кивок, сделанный вид, что мы не заметили друг друга. Она — из своего мира, где люди улыбаются и берут кофе с собой. Я — из своего, где люди молчат и смотрят на чужие руки.

Я мог бы гордиться тем, кем стал. У меня есть жетон, табельное оружие, право задавать вопросы, на которые обычные люди не имеют права. Я видел такое, от чего у неё волосы встали бы дыбом. Я ловил убийц. Я раскрывал дела, о которых пишут в газетах. В полицейских кругах меня уважают. Там я свой.

Но когда я смотрел на неё — я понимал: всё это не имеет значения. Ни жетон, ни оружие, ни раскрытые дела. Потому что я всё равно не умею делать того, что умеет она. Подойти. Улыбнуться. Сказать что-то простое, без надрыва. Протянуть руку первой.

Я мастер читать чужие лица, но так и не научился открывать своё.

А её мир был за стеклом. Толстым, пуленепробиваемым. Я мог смотреть, фиксировать, запоминать — но не мог достучаться.

Она была светом. А я всю жизнь учился не смотреть на свет, чтобы не ослепнуть. Но теперь, когда его не стало, я вижу только тьму.

И свою вину. Негромкую, неочевидную, спрятанную за идеально ровными стопками журналов и безупречным порядком пустых комнат.

Но от этого — не менее тяжёлую.

* * *

В дверь моего кабинета постучали, прежде чем я успел поднять фломастер. Майкл просунул голову в щель — бледный, с темными кругами под глазами, но держался ровно. Стажер, а уже научился не рассыпаться на части после первого же вскрытия. В его руках была серая папка, из которой торчали листы с предварительными заключениями.

— Эд, у меня данные по Мие, — сказал он, прикрывая за собой дверь. — Полный отчет будет готов через несколько дней. Я хочу перепроверить каждую деталь, не торопиться. Но основные выводы уже есть.

Я кивнул, отодвигая чистый блокнот. Майкл сел напротив, раскрыл папку и пробежал глазами по верхнему листу, хотя, я видел, он уже знал все наизусть.

— Причина смерти — утопление, — начал он. — Вода в легких, типичная картина. Она не захлебнулась мгновенно. Боролась. Долго.

— Сколько? — спросил я, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

— Сложно сказать точно без гистологии, — Майкл покачал головой. — Но судя по всему, несколько минут. Может, больше. Она боролась до конца, Эд. До самого конца.

Я представил это: Мия, задыхающаяся, хватающаяся за что-то в темноте, пытающаяся вырваться из ледяных объятий воды. И ничего не мог с собой поделывать — картинка стояла перед глазами, как кадр из чужого, жестокого фильма.

— Что насчет повреждений? — спросил я, заставляя голос звучать ровно.

— Гематомы на шее и запястьях — прижизненные, — Майкл перевернул лист. — Возникли до погружения в воду. Рана на виске — тоже. Она получила этот удар, когда была жива.

— От какого предмета?

— Пока не могу сказать точно. Что-то тяжёлое, с тупым краем. Не нож, не молоток — скорее, металлический предмет с ровной поверхностью. Болт, уголок, часть какой-то конструкции. Следы ржавчины на краях раны. Я отправлю на микроскопию, но это займёт время.

Майкл помолчал, собираясь с мыслями.

— Царапины на теле — хаотичные, рваные. Похоже на то, что она отбивалась от нападавшего. Ногти могли оставить такие следы, если он действовал в исступлении. Но есть нюанс... края некоторых царапин слишком острые, словно их оставил не ноготь, а что-то металлическое или деревянное. Возможно, в ход пошёл какой-то предмет. Или она упала и ударилась обо что-то в воде, — Майкл нахмурился. — Под ногтями — грязь, ил, микрочастицы дерева. Человеческого эпителия почти нет. Единичные клетки, но они могут быть случайными — от контакта до погружения. Если она и царапала нападавшего, вода могла смыть следы. Или он был в перчатках. Или...

Он замолчал, постукивая ручкой по планшету.

— Или? — подтолкнул я.

— Или нападавшего не было. Но я пока не готов это утверждать, — Майкл поднял на меня усталые, но спокойные глаза. — Слишком много «если». Вода смывает следы, ты знаешь. Мне нужно время. Несколько дней. Я разберу каждый сантиметр её тела, каждый срез ткани. Если там есть что-то чужое — я найду. И тогда мы будем знать точно: кто-то был — или никого не было.

— Делай, — кивнул я. — Всё, что нужно. И никакой спешки. Мне нужна правда, а не отчёт для прокурора.

Майкл кивнул, собрал свои листы и вышел, оставив меня наедине с чистой маркерной доской и тяжелыми мыслями. Утопление. Борьба до конца. Рана на виске. И почти никаких следов чужого присутствия.

Я сидел неподвижно, глядя на пустую белую поверхность. Мой ум настойчиво требовал структуры.

Версия самоубийства пришла первой. Она всегда приходит первой в таких делах — удобная, чистая, не требующая поисков убийцы. Молодая женщина, панические атаки, что-то там упоминала мать. Ночь, озеро, темнота. Шаг в воду — и всё. Финал, который не нужно расследовать, только оплакать.

Но я не мог в неё поверить.

Не потому, что улики противоречили — они как раз допускали такой вариант. А потому, что я знал Мию. Не близко, не как друг или любовник — но я видел её достаточно, чтобы понять: эта девушка не сдаётся. Она была сломана, да. Уставшая, загнанная в угол, с паникой в глазах. Но она дралась. Каждый раз, когда жизнь её роняла, она поднималась. Кусалась. Цеплялась за что угодно. За работу, за отношения, за мечту, о которой говорила тем, кто готов был слушать.

По крайней мере, я так думал. Или хотел так думать.

Теория Брэдли о серийном маньяке висела в воздухе отдела слишком соблазнительным ярлыком. Копам нравились маньяки. Внешний монстр — это удобное зло, которое освобождает город от ответственности.

Но мое чутье категорически отвергало и эту версию.

Я не верил в бродячее чудовище. Мозг чувствовал: разгадка не прячется в дорожной пыли чужих штатов. Самые жуткие тайны не приходят извне — они годами вызревают прямо у нас под носом, за белыми заборчиками, питаюсь домашним молчанием и застарелыми обидами.

Оставалось только одно: кто-то из её круга. Кто-то, чье давление стало последней каплей.

Мне предстояло собирать этот пазл вручную, деталь за деталью, вытаскивая на свет скрытые мотивы тех, кто улыбался Мии при жизни. Зло было местным. Оно пахло озерной тиной нашего городка. И я был готов перевернуть каждый камень в этом сытом болоте.

Я взял фломастер и вывел в самом центре доски одно-единственное имя: Мия.

Вокруг него мгновенно, словно нити паутины, выросли первые стрелки-связи. Наша оперативная группа уже вовсю работала на улицах городка: помощники шерифа обходили соседей Мии, методично опрашивая всех, кто мог видеть рыжеволосую девушку прошлой ночью между полуночью и пятью часами утра. Но я слишком хорошо понимал, что обычные люди, ведомые линейной логикой, увидят лишь внешнюю сторону этого маршрута. Моя задача — заглянуть глубоко за декорации, туда, где прячутся истинные мотивы.

Дверь допросной закрылась с глухим щелчком, отрезав нас от шума коридора. Здесь пахло старым линолеумом и холодом. Нэнси сидела на краешке стула, сжавшись в комок, словно пыталась занять как можно меньше места в пространстве. Её праздничный домашний халат, испачканный в озерной грязи, смотрелся нелепо и жутко. Она больше не выла. Острый приступ театральной истерики на берегу сменился глухим, стеклянным оцепенением.

Я сел напротив, положив перед собой чистый блокнот. Не торопился. Мой разум требовал выдержать паузу, заставить её тишину заговорить первой.

— Пейте, Нэнси, — я пододвинул к ней пластиковый стакан с ледяной водой.

Она вздрогнула, подняла на меня глаза — тусклые, окруженные сеткой глубоких морщин, в которых запеклась тушь. Её пальцы, покрытые дешевыми перстнями, судорожно обхватили пластик. Стакан мелко задрожал, вода выплеснулась ей на колени, но она даже не заметила.

— Её больше нет, Эд? — её голос прозвучал удивительно тихо, без прежнего надрыва. Хриплый, разбитый голос женщины, которая слишком долго молчала. — Моей маленькой девочки больше нет?

— Её нет, Нэнси, — ответил я максимально бесстрастно. — И мне нужно понять, кто помог ей оказаться в омуте. Вы упомянули Курда. Расскажите мне о вчерашнем вечере. Что именно вы слышали через дорогу?

Нэнси сделала глоток, её кадык судорожно дернулся.

— Они орала. Боже, как они орала... Курд приехал около девяти. Его старый пикап гремел на всю улицу. Я стояла у окна в гостиной, свет не включала, чтобы они не видели. Он хватал её за руки на крыльце, швырял её вещи. Он кричал, что она разрушила его жизнь, что она сука и эгоистка.

— А Мия? — я подался вперед, вглядываясь в мимику её лица.

— А Мия смеялась, — Нэнси вдруг жутко, горько усмехнулась, и эта усмешка мгновенно разгладила морщины на её лице, обнажая старую, глубоко запрятанную злость. — Она всегда смеялась, когда кому-то было больно по её вине. Знаете, Эд, моя Мия... она ведь была идеальной. Весь город молился на нее. Красавица, успешная, лучшая ученица, гордость школы. Но дома... дома она была тираном. Она высасывала из нас воздух.

— Тираном? — я зацепился за это слово.

— Да! — Нэнси резко поставила стакан на стол, вода вылилась на полированное дерево. В её глазах вспыхнул ядовитый, застарелый гнев. — Она контролировала каждый мой шаг. С тех пор как умер мой муж, она вела себя так, будто я её собственность, её глупая, никчемная прислуга. «Мама, не пей эти таблетки. Мама, не надевай это платье, ты выглядишь смешно. Мама, ты тратишь мои деньги». Она не давала мне дышать! Каждое её слово было как удар скальпеля. Чисто, аккуратно, до кости. Она знала все мои слабые места. Из-за неё Хлоя выросла тенью. Мия забрала себе всю любовь в этом доме, а нам оставила только правила. Свои чертовски идеальные правила!

Женщина тяжело дышала, её бледные щеки покрылись лихорадочным румянцем. Она выплескивала это годами копившееся удушье, и я видел, как под маской скорбящей матери шевелится чудовищное, постыдное облегчение.

— Вы ненавидели её, Нэнси? — мой вопрос прозвучал мягко, почти интимно.

Нэнси осеклась. Её рот остался полуоткрытым. Огонь гнева в её глазах мгновенно погас, сменившись первобытным, трусливым страхом. Она поняла, что сболтнула лишнее.

— Нет... нет, что вы такое говорите, Эд! — она снова затряслась, пряча лицо в ладонях. — Я мать! Я любила её! Она была моей жизнью! Это всё Курд, это он изломал её!

— Вы были дома вчера вечером? — спросил я, меняя тон. Теперь — спокойный, деловой. — Кто может подтвердить, что вы не выходили из дома после того, как Мия ушла?

Нэнси заморгала, растерянная сменой регистра.

— Хлоя... — выдавила она. — Хлоя была дома. Мы легли спать почти сразу. Я не выходила. Я только смотрела в окно...

— Хлоя была с вами в одной комнате?

— Нет, но... она бы услышала, если бы я выходила. Дом маленький, скрипят половицы. Она бы точно услышала.

Я кивнул, мысленно зафиксировав алиби, подтвержденное родственником. Не алиби вовсе, если они действуют заодно. Но для протокола — безупречно.

— Вчера вечером, я видела, как она уходила в сторону озера, — продолжила Нэнси, словно боясь, что я перебую. — Одна. В том самом зеленом платье. Я хотела крикнуть ей в окно, остановить... но не смогла. Я просто закрыла шторы и пошла спать. Я так устала от её вечных драм, Эд. Вы не представляете, как я устала... Я просто хотела, чтобы хотя бы одну ночь в доме было тихо.

Она разрыдалась — на этот раз искренне, уткнувшись лицом в грязный рукав халата. Но это были слёзы не по мертвой дочери. Это были слёзы по своей собственной, безвозвратно сломленной жизни, которую она добровольно заперла в четырёх стенах, променяв материнство на глухую, унылую покорность.

— Отдыхайте, Нэнси, — я поднялся. — Патрульный принесет вам горячий чай. А мне нужно поговорить с Хлоей.

* * *

Дверь допросной тихо открылась, и дежурный едва заметно кивнул мне. Я вошел внутрь.

Хлоя сидела за холодным металлическим столом, выпрямив спину с такой пугающей, неестественной силой, словно проглотила железный аршин. На ней был всё тот же темный плащ, пуговицы застегнуты до самого подбородка — несмотря на духоту в кабинете. Ни слез, ни страха, ни привычной для такого часа девичьей растерянности. Она возвышалась над обшарпанным кабинетом как неприступная стена. Смотрела на меня своими блеклыми, оцепеневшими, мертвыми глазами, и в этом взгляде читался вызов: «Попробуй, дотянись». Я понимал: эта ледяная броня — всего лишь фасад. За ним что-то прячется.

— Спасибо, что приехала, Хлоя, — я присел напротив, сознательно не открывая серую папку с делом. — Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Но чем быстрее мы восстановим хронологию вчерашнего дня, тем...

— Мне не тяжело, Эд, — её голос прозвучал ровно, без единой дрожи. Хлыст, а не голос. — Мне мерзко. Мерзко от того, что моя семья теперь у всех на устах. Наш паршивый городок обожает грязные сплетни, и смерть Мии для них — бесплатное утреннее шоу. Что именно ты хочешь знать?

Я мысленно зафиксировал эту реакцию. Её явно больше волновал идеальный фасад их дома, который из-за смерти «рыжей принцессы» дал глубокую трещину.

— Расскажи о вчерашнем вечере, — я оперся подбородком на руки, принимая привычную позу бесстрастного наблюдателя. — Твоя мама на берегу сказала, что Мия весь день была у себя. Это правда?

— Да. Она безвылазно сидела дома, работала над юридическими документами. Патрик, её партнер, в последнее время сильно её нагружал, выжимал всё, что мог. Они готовили какую-то крупную, грязную сделку по загородным участкам, — Хлоя говорила гладко, фразы отскакивали от зубов как заученный текст. Но затем она наклонилась вперед, и в её глазах мелькнул лихорадочный блеск. — Хотя, если честно, Эд, я не удивлюсь, если Патрик тут ни при чем. У Мии в последнее время всё валялось из рук. Она вела себя как безумная.

Она помолчала, словно решая, стоит ли продолжать, а потом добавила с той же ледяной отстраненностью:

— Ты ведь знаешь, она была под наблюдением психиатра. Доктор Филдс, из городской клиники. Мия регулярно к нему ходила, он выписывал ей лекарства от панических атак. Сильные препараты, я названия не помню. Без них она просто не могла нормально существовать. Любой стресс — и её накрывало с головой. Так что её ночной побег к озеру... это не про убийцу, Эд. Это про её больную голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.